

Сергей Лавров

НАЧИНАЕТСЯ НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП

За прошедшие годы Совет по внешней и оборонной политике вырос в авторитетную общественную организацию, объединяющую видных российских политиков и государственных деятелей, предпринимателей, руководителей деловых ассоциаций, представителей науки и средств массовой информации.

Совет вносит вклад в выработку активного внешнеполитического курса России, формирование позиций по ключевым мировым проблемам и подходов к решению актуальных вопросов обороны и безопасности. При этом приверженность национальным интересам России всегда лежала в основе его деятельности. А объективная и профессиональная оценка современных глобальных процессов снискали СВОП уважение как независимому и одному из наиболее влиятельных аналитических центров нашей страны.

Проводимые Советом дискуссионные встречи, семинары, совместные исследовательские проекты способствуют развитию контактов российского экспертного сообщества с ведущими иностранными академическими институтами, государственными и политическими организациями. Убежден, что члены Совета по внешней и оборонной политике, редакция журнала «Россия в глобальной политике» и впредь будут содействовать продвижению российских интересов за рубежом, укреплению влияния нашей страны в мире.

Мы давно работаем под «зонтиком» СВОП. Эта работа способствовала кристаллизации ключевых принципов российской внешнеполитической доктрины, таких как прагматизм, открытость, многовекторность, последовательное, но без конфронтации отстаивание национальных интересов. Эти принципы были подтверждены в Указе Президента России, подписанном наряду с другими директивными документами 7 мая 2012 г., в день инаугурации, который посвящен задачам по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации. Эти же принципы будут закреплены, развиты, дополнены и уточнены с учетом последних событий в новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, работа над которой была проведена в соответствии с упомянутым Указом, и сейчас мы докладываем ее Президенту.

Безусловно, далеко не все идеи и проекты, разрабатывавшиеся СВОП, воплощаются в жизнь, но многие реализуются. Главное в том, что деятельность Совета реально помогает расширить интеллектуальный горизонт в российской внешней политике. Наверняка в будущем наработки Совета будут задействованы в нашей практической работе, как это было и в прошлом.

Хотел бы сказать несколько слов о теме конференции. Исхожу из того, что организаторы сформулировали ее предельно широко, чтобы участники встречи имели возможность высказать соображения, которые они считают наиболее важными и актуальными.

Прежде всего скажу, что мы действительно живем в мире глубоких перемен, и это — не фигура речи, а совершенно конкретная реальность. Причем эти перемены, как обычно и бывает в истории, развиваются не по кем-то придуманному сценарию, а зачастую вопреки любым расчетам и прогнозам. Достаточно сказать, что процесс глобализации принял совсем не тот разворот, на который рассчитывали его адепты двадцать лет назад.

Предполагалось, что после распада Советского Союза и социалистической системы развитые западные государства и крупные корпорации будут распространять свое влияние по всему миру уже без каких-либо ограничений, а либерально-демократическая система станет безальтернативным «маяком», к которому будут стремиться все «отстающие» народы. На деле же от глобализации крупно выиграли многие развивающиеся государства, создавшие современную промышленность и существенно повысившие благосостояние населения, в то время как развитые государства испытали процессы деиндустриализации, сокращения прослойки среднего класса и усиливающегося социального расслоения.

Ныне речь идет о поисках решений, которые позволили бы преодолеть глубокие структурные дисбалансы экономики в Европе и США, и о перспективе выхода Китая в течение ближайших 5–6 лет на позиции ведущей экономической державы. А значит, видимо, и о превращении юаня в главную резервную валюту. Пока не просматривается изменение курса на продолжение инфляционной накачки американской экономики, затяжной характер принимает кризис еврозоны. В целом можно ожидать, что в ближайшие лет двадцать сложится принципиально новая картина мира, а это предполагает болезненный процесс переналадки международных отношений.

В этой связи хотел бы привлечь внимание к выводу, который сделал академик С.П. Капица, обратившись на завершающем этапе жизни к исторической проблематике. Он довольно убедительно показал, что исторический процесс непрерывно ускоряется, и каждый следующий этап истории оказывается по времени вдвое короче предыдущего. Думаю, все мы хорошо ощущаем эту реальность.

Множество факторов свидетельствуют о том, что начинается новый исторический этап. Если говорить конкретно о России,

то с этим, очевидно, связаны и плюсы, и минусы, и риски, и новые возможности. С одной стороны, мы действительно не знаем, чем обернутся для нас процессы на Западе, имея в виду прежде всего Евросоюз, нашего основного партнера в торговле, технологическом и инвестиционном сотрудничестве и в качестве потребителя российских углеводородов. С другой стороны, при такой радикальной «пересдаче карт» многое, наверное, можно будет начать с чистого листа, и далеко не все правила, определяющие международную иерархию сегодня, будут применимы в будущем. Не исключено, например, что, как отмечается в распространенных перед конференцией тезисах, значение будет иметь не то, где созданы те или иные технологии, а способность их лучше применить. В этом плане Россия с ее грамотным, дерзким населением и огромными ресурсами обладает очевидными преимуществами.

Сегодня уже никто не спорит с тем, что формирующаяся международная система является по определению полицентричной. От этого отталкиваются в своем анализе ведущие мозговые центры в Европе, США и России. Другое дело, что пока никто не может сказать, какие именно контуры примет миропорядок века, насколько он будет устойчивым и работоспособным. Рассматриваем в качестве одной из основных целей внешней политики России содействие тому, чтобы международная система была справедливой и демократической, в идеале — саморегулирующейся. Добиться этого можно только действительно коллективными, партнерскими действиями ведущих «игроков» на международной арене. Ясно и то, что перевод этой максимы, с которой вроде бы все согласны, в практическую плоскость — процесс непростой и небыстрый.

Мы достаточно далеко ушли от представлений, широко распространенных в начале 1990-х, о том, что мир движется в сторону некой унифицированной модели, представляющей из себя бесчисленные слепки с западного образца с некоторым добавлением местного фольклора. Сейчас очевидно, что при признании рыноч-

ной экономики и демократических принципов государственного устройства в качестве основного русла исторического процесса множественность центров силы и влияния предполагает и множественность моделей развития. Более того, четче обозначилась прозорливо отмеченная С. Хантингтоном тенденция усиления значения фактора цивилизационной идентичности. В эпоху заката колониальных империй и преобладания националистических или революционных — в любом случае западных по своим корням — идеологий трудно было представить, что спустя полвека произойдет столь мощный ренессанс исламского самосознания. Усиление стремления опереться на свои цивилизационные корни наблюдается в Азии, других частях мира. В международной политике это может вести либо к усилению конфликтности, либо к пониманию необходимости партнерского взаимодействия на новой основе, отвечающей современным реалиям.

Решение этой дилеммы в значительной мере связано с тем и будет зависеть от того, какую линию поведения изберут наши западные партнеры, и прежде всего Соединенные Штаты Америки. Недавно я читал статью М. Сиеффа «The Closing of the Conservative Mind» в журнале «The American Conservative». Автор отмечает, что США как бы примерили на себя советские ботинки в попытке распространить по всему миру революцию, на этот раз — демократическую. Он же пишет, что историей многократно доказана бесперспективность политики революционного преобразования мира, упоминая в этой связи Робеспьера, Наполеона и Троцкого. Нельзя не согласиться с М. Сиеффом в том, что навязывание другим собственной политической и социально-экономической системы в большинстве случаев вызывает обратную реакцию и может способствовать усилению экстремистских, репрессивных сил, отодвигая перспективу действительных демократических перемен.

Это — один из принципиальных вопросов современной международной политики, непосредственно связанный с темой о бу-

душем мироустройстве. И речь здесь совсем не о том, что Россия «по инерции» противостоит западному влиянию или «из вредности» ставит палки в колеса иницируемым Западом проектам. Дело в том, что линия на продвижение демократии «железом и кровью» попросту не работает. Мы убеждаемся в этом в наши дни, в последние полтора года и даже десятилетие. У всех на слуху Ирак, сохраняющиеся проблемы в этой стране. Никто до конца не понимает, что будет на Ближнем Востоке.

Опасность насильственного насаждения демократии заключается в том, что оно ведет к усилению элементов хаоса и может обернуться серьезным кризисом управляемости на глобальном уровне. Эта опасность сегодня ощущается всеми вполне отчетливо. Мой французский коллега Л. Фабиус недавно говорил об опасениях появления не многополярного, а «многодробленного» мира. Учитывая, что мир не может быть объединен ни под эгидой США, ни под «зонтиком» НАТО, ответом на эти опасения может быть только поворот к подлинному партнерству — и в Евро-Атлантике, и на глобальном уровне.

В своей недавней статье, перепечатанной журналом «Россия в глобальной политике», Г. Киссинджер привел убедительные доводы, подтверждающие несостоятельность опоры на силу в интересах продвижения американских интересов, включая распространение собственного набора ценностей. Он подчеркнул в этой связи, что адаптировать американскую внешнюю политику к внутренним обстоятельствам других обществ и факторам, связанным с их национальной безопасностью, не означает отказаться от принципов. Это лишь понимание преимуществ эволюционного, цивилизованного продвижения к реализации своих целей. Трудно с этим не согласиться.

Г. Киссинджер отмечает гротескный характер противопоставления подходов, известных как реалполитик, и курса, осно-

ванного на ценностях. Очевидно, что в сегодняшнем мире речь должна идти о разумном сочетании этих понятий, учитывая одинаковую бессмысленность и «крестовых походов», и политики, лишенной нравственной опоры.

Мы — за то, чтобы договориться о базовом наборе ценностей, которые могут помочь выстроить фундамент системы, основанной на партнерстве цивилизаций. Если ценности общие, то и вырабатывать их надо сообща, отказавшись от мессианства, которое в политике приносит очевидный вред. Должна быть очевидна опасность рецидивов колониального мышления, когда предлагается, например, чтобы ради блага сирийцев внешние «игроки» договорились о принципах нового политического устройства в САР.

Убеждены, что основу для общей шкалы ценностей можно найти только в выверенных тысячелетиями традициях, духовно-нравственном знаменателе, общем для основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие, трудолюбие и нравственность.

Российская политическая наука обладает, мне кажется, сейчас большей интеллектуальной свободой, и это наше преимущество надо продолжать максимально использовать, пытаясь понять, по какому пути пойдет историческое развитие в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Хотя, конечно, составление прогнозов на крутом историческом повороте — дело крайне сложное и неблагоприятное.

Как представляется, постоянной величиной в наших размышлениях о месте России в мировой политике XXI века должно быть подтверждение независимого политического курса нашей страны. Самостоятельность внешней политики России — это наше достижение, завоеванное предшествовавшими веками истори-

ческого развития и опытом последних 20 лет. Убежден, что наша страна просто не сможет существовать в качестве «присяжной» к тому или иному мировому лидеру. В данном контексте на ум приходит недавнее высказывание бывшего председателя Еврокомиссии, бывшего премьер-министра Италии Р. Проди о том, что в сегодняшнем мире только три государства в полной мере сохранили суверенитет — США, Китай и Россия. Преувеличение, конечно, но примечательное.

Мы видим себя и реально являемся одним из центров нового полицентричного мира. Такой статус России определяется ее военными, географическими, экономическими возможностями, ее культурой и человеческим потенциалом. Определяется еще и тем, что в международных делах наша страна твердо стоит на позициях права и справедливости. Верховенство права должно быть обеспечено и на международной арене. Это дает возможность России играть уравнивающую, стабилизирующую роль, которая все больше востребована нашими международными партнерами, причем даже теми из них, кто не мыслит себя вне союзнических отношений с США или НАТО.

Разумеется — и этот тезис неоднократно подчеркивал Президент России В. В. Путин — такой подход не имеет ничего общего с изоляционизмом. Мы уже глубоко интегрированы в глобальные процессы и настроены двигаться по этому пути дальше. Уверен, что мы еще осознаем на практике, что вступление России в ВТО действительно ведет к глубоким изменениям «правил игры» и общей атмосферы в российской экономике.

Мы видим себя как страну, которая последовательно углубляет интеграционные связи с соседями. Речь, разумеется, в первую очередь о евразийской интеграции, которую мы рассматриваем как долгосрочный и взаимовыгодный проект. Но не только. Мы последовательно высказываем соображения в пользу выхода на смелые, далеко идущие цели сближения с Европейским

Союзом. Недавно Президент В. В. Путин выдвинул идею создания общего экономического и человеческого пространства. Исходим из безальтернативности параллельного курса на встраивание в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Знаю, что С. А. Караганов много лет отстаивает тезис о «Союзе Европы», как и то, насколько непросто его осуществлять в реальной жизни. Но, в конечном счете, это вопрос политической воли, желания определить условия, при которых такая концепция может оказаться работоспособной. Об этом много размышляют и в западных столицах. В этом направлении идут идеи, высказываемые в Германии и Франции, а также размышления в последней книге З. Бжезинского. Но это должно быть не инкорпорирование России в Запад, а именно равноправное сближение.

С цивилизационной точки зрения — а ее значимость, как я уже говорил, на наш взгляд, возрастает — Россия является частью «большой» европейской цивилизации вместе, разумеется, с Северной Америкой. Поэтому для нас нет проблем в том, что касается реализации «европейского выбора» через реальное взаимовыгодное взаимодействие и интеграцию.

Вообще, мне кажется очень странным, когда наши разговоры с западными партнерами порой напоминают ситуацию, как если бы не существовало других мощных центров силы или же Запад по-прежнему, как в 1990-х гг., претендовал на роль вершителя судеб человечества. Кажется, что произошедшие за последние 20 лет огромные сдвиги в мире — появление мощных центров экономического роста, финансовой силы и политического влияния — не замечаются в практической политике некоторых западных партнеров.

Убежден, что раскручивание конфронтационных настроений в Евро-Атлантике — политически несостоятельный, тупиковый путь. В любом случае это не наш выбор.

В тезисах к конференции затрагивался вопрос и об усилиях по укреплению оборонных возможностей России. На мой взгляд, нет сомнений, что в беспокойном мире вокруг нас это далеко не «статусный» вопрос, а насущная необходимость, поскольку только так безопасность страны может быть надежно гарантирована.

В этой связи упомяну, что в последнее время много говорят о факторе силы в международных отношениях. Якобы после перемен на рубеже 1990-х гг. роль этого фактора должна снижаться, но на данном историческом отрезке мы наблюдаем его усиление. Тезис, который мы не устаем повторять, — все наши прогнозы относительно оптимальных путей развития России имеют смысл при условии сохранения международной стабильности. Это — отражение реального положения вещей. Если мы принимаем этот тезис, то накопление элементов напряженности в международных отношениях не может не вызывать беспокойства. А напряженность накапливается, что подтверждается увеличением количества и интенсивности международных конфликтов.

Мы знаем, к каким последствиям приводит несанкционированное СБ ООН внешнее вооруженное вмешательство в дела других государств. Наблюдаем попытки сделать «ливийскую модель» прецедентной. Необходимо отметить еще один аспект: во времена экономических кризисов появляется искушение прибегнуть к военным методам решения проблем. Такая тенденция отнюдь не чужда некоторым нашим партнерам. Военный конфликт уже использовался и может использоваться в будущем для того, чтобы «встряхнуть» ситуацию, по-новому расставить приоритеты, где-то «обнулить» обязательства. Уверен, что вы будете на конференции говорить об этом более подробно.

В заключение скажу несколько слов о «мягкой силе». Очевидно, что это — один из основных компонентов международного вли-

яния государств. Невозможно спорить и с тем, что Россия пока на этом направлении серьезно отстает. Русский мир — огромный ресурс укрепления авторитета России в мире, над его сохранением и развитием надо работать активно и целеустремленно, на ежедневной основе. Отмечу, что с приходом в Россотрудничество еще одного члена СВОП, К. И. Косачева, намечены серьезные планы по задействованию этого ресурса. МИД будет активно сотрудничать с Константином Иосифовичем в его официальном качестве. Важно не только распространять русский язык и российскую культуру, но и расширять возможности получения образования на русском языке. Об этом мы тоже в практическом плане говорим, когда занимаемся служебными делами.

Доля России в мировом информационном пространстве действительно пока невелика. Но все же первые шаги сделаны. Телеканалы «Russia Today» и «Русия аль-Яум» являются успешными проектами. В Великобритании «Russia Today» вышла на третье место по популярности. Современные технологии, включая Интернет, делают информационные потоки более демократичными. Этим надо активно пользоваться. Но в целом возможности быть услышанными у нас есть, и они расширяются.



ЧАСТЬ I

СИЛА ОРУЖИЯ

ВИНТОВКА И ВЛАСТЬ





Сергей Караганов

ЗАЧЕМ ВОЕННАЯ СИЛА?

Россия с конца 2000-х гг. взяла курс на военное усиление. Принимаются и воплощаются в жизнь программы переоснащения и коренного реформирования вооруженных сил. И хотя внешняя военная угроза беспрецедентно мала, эта политика будет продолжена, поскольку вписывается в складывающиеся международные реалии и отвечает внутренней логике развития России.

Поэтому речь сейчас не о том, чтобы сменить курс, а о том, как его оптимизировать, избежав грубых ошибок и бессмысленных трат. Идеи, изложенные в данной статье, призваны стимулировать дискуссию вокруг оборонной политики, которая в России сегодня ведется куда менее активно, чем даже в СССР. А это просто опасно. И мы, кажется, сами не до конца знаем, для чего сейчас военная сила и сколько ее нужно.

Военная сила теряет значение?

Широко распространена точка зрения, что военная сила — этот главный на протяжении всей истории инструмент политики государств — прогрессирующе теряет значение. Особенно такой тезис популярен в Европе, надорвавшейся на своей истории войн и сделавшей во второй половине XX века выбор в пользу пацифизма.

США, предприняв резкое наращивание военной мощи без угрозы в конце 1990-х — начале 2000-х гг., попытались капитали-

зировать эту мощь и провалились в Ираке и Афганистане. После начала экономического кризиса Вашингтон резко изменил приоритеты, резко сокращает ассигнования на военные цели, пытаясь восстановить главную основу американских позиций в мире — экономику, увеличивает расходы на науку и технику, образование. Он частично уходит из многих регионов (Ближний Восток), обеспечив себе благодаря технологическому рывку в энергетике (сланцевые энергоносители) относительную энергетическую независимость.

Большинство главных проблем современного мира — изменение климата, требования большего благосостояния со стороны активизирующихся масс, кризис мировой финансовой системы, нарастающий относительный дефицит продовольствия — не решить с помощью военной силы. Изменившаяся политическая культура и структура хозяйства делает бессмысленным с экономической точки зрения захват территорий и проживающего на них населения. Удерживать их под контролем не удастся. Население невозможно эксплуатировать к своей выгоде. Все военные победы последних четырех десятилетий кончались политическим поражением и/или гигантскими тратами на поддержание населения на завоеванной или отвоеванной территории (тот же Ирак или российская Чечня).

В эпоху действительно массовых коммуникаций, затрудняющих (хотя и не отменяющих) целенаправленное манипулирование информацией, повышается морально-политическая цена использования военной силы, особенно если речь идет о ее масштабном и долговременном применении. Оно до известной степени вообще делегитимируется.

Снижение эффективности военной силы и ее делегитимация во многом связаны с продолжением ядерного пата, прежде всего между Россией и Соединенными Штатами. Риск эскалации любого серьезного конфликта на ядерный и глобальный уровень

вынуждает крупные государства ограничивать применение силы на гораздо более низких уровнях. Благодаря ядерному фактору относительно мирно завершилась самая глубокая политическая и идеологическая конфронтация в истории — холодная война. Не будь его, беспрецедентное, быстрое и глубокое перераспределение влияния в мире от традиционного Запада в пользу растущей Азии не происходило бы на наших глазах столь гладко. Почти всегда в истории такие сдвиги сопровождались — стимулировались или останавливались — войнами. Так что Россия и США, остающиеся в ситуации ядерного клинча, и в меньшей степени другие ядерные державы могут считать себя крестными родителями азиатского экономического чуда.

И, безусловно, в международной конкуренции побеждают страны с более высокими темпами и качеством технологического и экономического развития. Т.е. кто преуспевает в улучшении качества своего и/или переманивании чужого человеческого потенциала. Повышается вопреки прогнозам и роль идеологического фактора в международных отношениях. Информатизация мира и повседневной жизни дает преимущества тем странам и обществам, которые доминируют в информационном поле, мире идей и образов. Это поле — мощнейший бастион влияния старого Запада, уступающего по многим другим параметрам мощи и влияния.

Опыт последних лет подкрепляет тезис о том, что в современном и грядущем мире военный потенциал не будет иметь решающего значения как инструмент политики и показатель силы и влияния государств.

Однако есть другой набор факторов и аргументов, который противоречит представлению об уменьшении роли военной силы в мире и ее обесценивании как ведущего инструмента государственной политики. Войны все-таки выигрываются — при всех различиях обстоятельств можно вспомнить конфлик-

ты в Югославии, Ливии, Чечне, Грузии, победу правительства Шри-Ланки над «Тиграми освобождения Тамил Илама». Ядерное сдерживание работает, не допуская больших войн, и никто всерьез не сокращает ядерные арсеналы, а, напротив, совершенствует их. С ядерным сдерживанием безуспешно борются романтики — реакционные (американские сторонники противоракетной обороны) и прогрессивно-либеральные (мечтатели о «глобальном нуле» и минимальном сдерживании на уровне 50–200 боезарядов с каждой стороны). Новые мировые лидеры, наподобие Китая или Индии, которые вроде бы выигрывают в мирном соревновании, при этом стремительно вооружаются. На глазах милитаризируется соперничество между главными конкурентами будущего — США и КНР. Не прекращаются разговоры о грядущих столкновениях за ресурсы, воду.

Эти и подобные рассуждения можно было бы считать пережитками мышления времен холодной войны. И действительно, дискуссию вокруг проблем военной безопасности во многом все еще определяют те ветераны, которые сознательно или неосознанно стремятся вернуть повестку дня прошлой эпохи. Одни делают это, выдумывая (иногда даже вполне бескорыстно) бесконечные несуществующие угрозы своим странам или миру в целом, другие — призывая к возвращению благословенных для них времен процесса ограничения вооружений, который сам по себе служил отчасти мотором (правда, благопристойным) продолжения гонки вооружений. Если и меня причислят к этим ветеранам, многие из которых являются моими друзьями, но с которыми я по большей части не согласен, — не обижусь. «Назвался груздем — полезай в кузов».

Но нельзя отрицать и другого. Растущее почти повсеместно ощущение непредсказуемости, а значит, опасности современного мира и, как следствие, возрождение опоры на военную силу в политике многих государств — в том числе и России — имеет и объективные основания. Грезы не сбываются. Ни либераль-

ные — о мировом правительстве, ни реакционные — о новом концерте мощных наций, которые управляли бы миром. Планета движется к хаосу, но на новом глобальном уровне и в условиях качественно более глубокой и всеобъемлющей взаимозависимости. Старые институты международного управления — ООН, МВФ, ЕС, НАТО, G8 — слабеют. Новые — G20 либо возникающие региональные структуры — пока не работают. И, вероятно, вакуум управляемости заполнить не смогут.

Подрываются многие этические нормы международного общезнания — отчасти это делают сознательно, а иногда к этому ведет объективное развитие мировой системы. Уважение к государственному суверенитету, традиционным правилам внешнеполитического поведения — принципы несовершенные. Но они давали хоть какие-то точки опоры. Чем бы ни руководствовались инициаторы нападения на Югославию, Ирак, Ливию, результат один: все увидели, что слабых бьют, и никто не приходит к ним на помощь. А вот хоть сколько-нибудь сильных — не бьют. Невядный Ирак под лживыми предложениями разгромили, а успешную обзавестись ядерным оружием Северную Корею, в гуманитарном смысле еще менее приятную, не трогают. Уходят и старые принципы политической морали — «своих не сдают», или «сукин сын, но наш сукин сын». Сначала «своих» сдал Советский Союз. Но это хоть как-то можно было оправдать его банкротством и развалом. Теперь «своих» мубараков стал сдавать и Запад.

В новом мире захват прямого контроля над территорией и находящимися на ней ресурсами действительно больше не работает. Но при помощи военных методов можно управлять доступом к ним. Не случайно чуть ли не главное направление наращивания вооружений растущими державами — военно-морские силы. Морские пути — нынешние и вероятные будущие (тут резонно вспомнить Арктику) — остаются, как и во времена классической геополитики, главным объектом интереса великих держав.

Больших войн за главный ресурс будущего — пресную воду — пока нет. Но наметившаяся тенденция к перекрытию верховьев рек, а такая практика особенно опасна для Индокитая и Индостана, может привести к тому, что данная проблема окажется в сфере применения военной силы.

Ренессансу ее роли способствует и давно начавшееся распространение ядерного оружия. Израиль, Индия, Пакистан, Северная Корея, вероятно, Иран ставят своих соседей в уязвимое и политически проигрышное положение. Они пытаются его компенсировать, либо стремясь сами обрести ядерное оружие, либо усиливая обычные вооруженные силы, системы противоракетной обороны. Наконец, с помощью попыток расшатать усилившегося соперника изнутри, как это, например, сейчас делают суннитские монархии Персидского залива, работая над свержением дружественного Ирану и к тому же светского режима Сирии. Ядерный потенциал Северной Кореи и резкое комплексное усиление Китая в перспективе толкает и Японию к преодолению ядерного порога. А эта страна имеет к России, как, впрочем, и к Южной Кореи, КНР, территориальные претензии. Впрочем, в Восточной Азии многие претензии взаимны. Там вокруг объективно усиливающегося Китая и из-за возрождения старых территориальных споров быстро формируется вакуум безопасности.

Структурные изменения в международной системе тоже способствуют сдвигу в сторону большей опоры на военную мощь. Столкнувшись с масштабными вызовами при ослаблении институтов глобального управления, общества бросились под защиту привычного института — государства. Началась ренационализация мировой политики и частично экономики. Тенденция усилилась и благодаря подъему и выходу на авансцену мировой политики Азии — континента традиционных государств. С необычайной лихостью в новом обличье и на новом фоне возвращается старая геополитика, концепция «баланса